

Лейб-гвардии Финляндский полк в Бородинской баталии, или о пользе и вреде полковых историй

На первый взгляд, обращение к данному сюжету может показаться странным. Какая здесь может существовать проблема, если о финляндцах написано целых три солидных полковых истории, каждая о двух томах! Но при скрупулезном анализе источников и сравнении их с этими историями мы пришли к весьма неутешительным выводам о качестве последних. Первая из них, написанная несколькими офицерами-участниками войны, была составлена А.Н. Мариным¹. К сожалению, автор, увлекшись описанием мельчайших деталей сражения, неоднократно допускал сбои в хронологии. Вторая история полка была написана Ф. Ростковским, который был почти незнаком с понятием «критика источника». Лучшей же историей полка является последняя по времени, написанная С. Гулевичем. Помимо известных нам источников, автор ссылался на рапорт полковника Крыжановского от 31 августа, но весьма скупо цитировал его. К тому же Гулевич наивно пытался «примирить» показания всех источников, часто не замечая, или не желая замечать, что они непримиримы, так как прямо противоречат друг другу². Общая беда всех этих полковых историй состояла в том, что их авторы были офицерами, а не историками.

По данным Гулевича, наиболее точным, при подходе к Бородино полк насчитывал 3 штаб-, 51 унтер-, 50 обер-офицеров, 1650 рядовых, 60 музыкантов, 37 нестроевых, всего 1851 человек. В дальнейшем для большей наглядности мы будем сначала приводить показания источников, а затем выяснять, что написали об этом же сюжете полковые историки. Действия полка мы детально рассмотрим по этапам.

Начнем с самых общих документов. В донесении М.И. Кутузова Александру I говорилось о том, что Финляндский полк находился в резерве

вместе с Преображенским и Семеновским полками. М.Б. Барклай де Толли в «Изображении военных действий» писал, что по первой просьбе П.И. Багратиона к нему был послан 2-й пехотный корпус, «и вскоре потом по вторичной его просьбе гвардейские полки: Измайловской, Литовской и Финляндской», хотя в рапорте Баркляя последний полк вообще не упоминается. В рапорте командующего 2-й армии Д.С. Дохтурова Финляндский полк называется вместе с Литовским и Измайловским. В воспоминаниях А.П. Ермолова финляндцы также фигурируют вместе с преображенцами и семеновцами, но с уточнением, что «Финляндский рассыпан был в стрелках». Итак, из этих источников невозможно точно определить место, где же сражался полк³.

В рапорте командующего гвардейским корпусом генерала Н.И. Лаврова Дохтурову от 3(15) сентября сказано, что «26 августа в 5 часов утра вся гвардейская пехотная дивизия» по назначению полковника К.Ф. Толя, присланного от Баркляя, «заняла позицию позади правого фланга 2-й армии для подкрепления оной». А «через полчаса» Лавров получил приказание от Л.Л. Беннигсена командировать Измайловский и Литовский полки, а также сводную гренадерскую бригаду к Семеновскому, а Преображенский, Семеновский и Финляндский полки под командой генерала Розена «сблизить к 1-й линии 2 армии». Семеновский офицер П.С. Пущин записал в дневнике: «В 5 с половиной часов утра наш корпус был под ружьем и продвинулся несколько вперед. Мы построились побатальонно в боевом порядке. На рассвете слышались пушечные выстрелы. Наша позиция была в кустарнике ... Кавалерия и наша 2-я бригада (полки Измайловский и Литовский) отделились влево». Заметим, что согласно этим источникам, более близким к месту действия, финляндцы не были отправлены вместе с измайловцами и литовцами влево, а остались, как и два прочих полка, на опушке леса.

[Марин] пишет, что в 5 часов Финляндский полк «стал в колонны к

атаке, пошел вперед и занял место у деревни Семеновской, оставя за собою овраг. Ядра туда сыпались, но некоторые попадали в ряды. Первым ядром оторвало ногу подпоручику князю Шаховскому; подпоручику Соковнину также оторвало ногу. Подпоручик Великопольский убит ядром на месте. Стоявшего в знаменных рядах юнкера Иванова постигла та же участь». Пущин подтверждает: «Наша бригада, полки Семеновский и Преображенский, находились в продолжение 14-ти часов под сильным огнем неприятельских батарей». Таким образом, буквально сразу после начала сражения вся гвардейская пехота оказалась в зоне досягаемости огня неприятельской артиллерии. Это говорит, во-первых, о нанесении противником с самого начала очень сильного удара по русскому левому флангу, так что пришлось «вводить в дело» гвардейские части, по определению долженствующие составлять резерв армии, а во-вторых, о чрезвычайной плотности русской позиции на этом фланге, который простреливался насквозь неприятельской артиллерией вовсе не после взятия Семеновского, как иногда пишут, а буквально с самого начала сражения.

В записках Марин уточняет: «В таком положении стояли мы до семи часов утра». Затем раздалась команда: «Колонна, влоборота направо! Беглым шагом марш!», и «когда пробежали мы небольшое пространство, нас остановили и велено всем лечь». Прапорщик А.С. Норов, находившийся в артиллерийском резерве, вспоминал, что после захвата неприятелем Семеновского «проследовал возле моего флангового 12-го орудия гвардейский Финляндский полк, шедший тоже в бой, и я встретил тут поручика князя Ухтомского, моего двоюродного брата; мы обнялись с ним, и только что его взвод миновал меня, как упал к моим ногам один из его егерей», пораженный ядром. Гулевич написал, будто это случилось в 10 часов утра, но, судя по контексту мемуаров Норова, время близилось к полудню⁴.

Ростковский заявил, что сомкнутые колонны Финляндского полка

были расположены в том месте, которое указано им было самим Баркляем, «а именно в резерве позади 4-го корпуса в конце левого фланга, то есть на дороге из дер. Семеновской в Псареве приблизительно в $\frac{3}{4}$ версты от Семеновской». При этом историк заметил, что из биографии Крыжановского, написанной А.И. Михайловским-Данилевским, «видно, будто Финляндский полк вступил в дело только тогда, когда начались кавалерийские атаки. На чем основывал автор военной галереи Зимнего дворца такое заключение, мы не знаем, но такие документы как записки Ермолова и Баркляя-де-Толли, участников-распорядителей в этом деле неопровержимы и прямо говорят противное, а потому мы и не можем согласиться с автором биографии нашего первого командира».

Видимо, Ростковский хотел доказать, будто финляндцы «вступили в дело» с того момента, когда начали нести потери от огня неприятельской артиллерии. С точки зрения стоявших под огнем воинов это, может быть, и так, но историкам следует подумать над тем, можно ли называть пассивное несение потерь резервными войсками активным участием в сражении, либо это свидетельствует о недочетах их командования? Мы полностью согласны с Ростковским лишь в том, что касается определения местоположения полка – на дороге из д. Семеновское в д. Псареве. Однако следует уточнить, что 4-й корпус А.И. Остермана-Толстого к 12 часам занял позицию между батареей Раевского и д. Семеновское, так что финляндцы не могли стоять позади этого корпуса.

Гулевич же из слов [Марина] заключил, что до 16 часов полк сражался «несколько позади» д. Семеновская, «передвигаясь немного вправо, влево и назад, в зависимости от хода боя». Он верно заметил, что полк был отделен от преображенцев и семеновцев, но заявил, будто он действовал в первой линии вместе с лейб-гвардии Литовским и Измайловским полками, и даже вместе с ними якобы прикрывал отступление войск 2-й армии за Семеновский овраг! А потом будто бы сюда прибыл Барклай и поставил

финляндцев позади этих двух гвардейских полков. На первой схеме в книге Ростковского показано, что сначала Финляндский полк был направлен из местоположения 5-го корпуса на северную оконечность д. Семеновское, что просто невероятно.

На второй схеме Ростковский переместил финляндцев на южную оконечность войск генерала Дохтурова (где они должны были бы, согласно нашим исследованиям, соприкоснуться с отрядом генерала Сиверса. – *А.П.*)⁵, а затем – в центр этих же войск. На одной из схем А. Балтийского полк также изображен стоящим в каре к югу от Литовского и Измайловского полков. Туда же помещали финляндцев многие историки вплоть до сего времени. Правда, в путеводителях 1975 и 1991 гг. и в юбилейном издании 1987 г. эта ошибка уже не повторялась, но из этих книг невозможно понять, где же сражался Финляндский полк⁶.

Вновь обратимся к источникам. В рапорте П.П. Коновницына ясно сказано, что на этом участке поля боя прославились только Измайловский и Литовский полки. Лавров написал Дохтурову: «Измайловский и Литовский полки и Сводная гренадерская бригада сражались в присутствии вашего высокопревосходительства» и потому не стал описывать их подвиги, а просто переслал ему рапорты полковых командиров. Действия же финляндцев он подробно описал в своем рапорте, очевидно, потому, что Дохтуров их не видел. Упомянутые полковники И.Ф. Удом и А.П. Кутузов ни словом не упомянули о финляндцах, хотя отметили, что при их полках находились генералы Васильчиков, Коновницын и Дохтуров. К тому же полковник Кутузов прямо указал, что в этот район были посланы 2-я гвардейская пехотная и сводная гренадерская бригады. В списке отличившихся офицеров про Измайловский и Литовский полки сказано, что каждый из них «отряжен был в подкрепление 2-й армии» и «выдержал сильнейшие три неприятельские кавалерийские атаки». Действия же Финляндского полка описаны совершенно в иных выражениях. Кроме того,

ни Сиверс, ни находившийся в его отряде Н. Любенков также не упоминают о финляндцах⁷, которые должны были быть именно рядом с ними. Из всех этих документов следует сделать *однозначный, окончательный и бесповоротный вывод: Финляндского полка не было южнее д. Семеновское!*

Еще раз подчеркнем, что авторы полковых историй были офицерами, а не историками, и потому они весьма вольно и неточно интерпретировали показания источников, вследствие чего Финляндский полк у них с самого начала битвы «кочевал» на весьма большом пространстве, как будто бы вокруг него не было иных воинских частей. С определенностью же можно сказать только то, что утром полк был выдвинут из места расположения резервов сначала вместе с бригадой Розена, а затем был направлен вдоль леса к югу, почти наверняка на дорогу из Семеновского в Псареве, видимо, для прикрытия артиллерийского резерва, где сразу попал под артиллерийский огонь, также как Преображенский и Семеновский полки. В упомянутом списке офицеров сказано: «Финляндский полк поставлен был в резерве, потом, приблизясь к 1-й линии и прикрывая батареи, выдерживал с непоколебимой твердостью чрез целый день сильную канонаду, картечной и ружейной огонь»⁸. Под названными здесь батареями следует, скорее всего, понимать те, которые находились в артиллерийском резерве у Псареве.

«Не прошло полчаса, – пишет Марин, – как мы увидели перед собою неприятельских кирасир, которые, проскочив первую и вторую линию, в большом беспорядке подскакали к третьей, оканчивающейся на левом фланге нашим полком. Мы приняли гостей не совсем вежливо: Подпустя на пистолетный выстрел, бросили на них батальный огонь: и ни один уже из дерзких не воротился назад». В истории полка Марин уточнил: «Вдруг видим, несется тяжелая кавалерия, пробилась сквозь две линии и стремительно, на рысях идет прямо на наш полк. Сначала мы ее приняли за своих кирасиров». Но полковник Штевен отдал спешную команду: «Каре

против кавалерии!» Подпустив неприятеля на близкую дистанцию, батальоны финляндцев дали залп передними фасадами, «кирасиры смешались, и ни один из них не вернулся с поля; оставшихся в живых взяли в плен и, обезоружив, поставили в середину каре». Заметим, что этих кирасир сначала приняли за своих, и это дает нам основание думать о саксонских кирасирах, также имевших белые колеты. В таком случае это было время штурма Семеновского, когда часть саксонцев – несколько десятков человек – в пылу боя глубоко вклинилась в русскую позицию. По словам одного из них, Меерхайма, схватка происходила недалеко от русских артиллерийских парков в кустарнике⁹. Заявление Марина и прочих полковых историков о том, будто «подобные атаки были повторены, но с тем же успехом», мы оставляем на совести их авторов, ибо о других подобных прорывах тяжелой кавалерии в данном месте мы сведений в иностранных источниках не встречали. К тому же, если пленных смогли поместить внутри батальонных каре, то не так уж много их было, этих пленников, прискакавших уже «в большом беспорядке».

Опираясь на фразу Лаврова о том, что «в 4 часа пополудни неприятельская кавалерия, прорвавшаяся, достигла до колонн» генерала Розена и была ими отбита, Ростковский и Гулевич отнесли описанную Мариным атаку к 16 часам. Они совершенно «забыли», что финляндцы действовали уже отдельно от бригады Розена и находились в другом месте. Кроме того, это совсем не совпадает со временем, вытекающим из контекста мемуаров Марина. При этом оба историка произвольно перекроили его воспоминания, поменяв местами два отрывка¹⁰. На самом же деле описанная выше атака произошла около полудня.

Марин далее пишет: «После полудня неприятель и мы изнеможены были от усилий и все умолкло ... День был прекрасный, солнце, так сказать, пекло нас. Цепи неприятельские и наши расположены были в близком одна

от другой стороны. Французы стояли на возвышенной покатости, а мы в ложине, в ореховом кустарнике. Егери наши с утра, кроме чарки вина, ничего не ели и не пили. Всех мучила нестерпимая жажда, при сильном полуденном жаре. Наконец, штыками вырыв род колодцев, егери с жадностью утоляли жажду. Увидев это, французский офицер просил позволения, чтобы мы одолжили водой и его солдат. Позволение дано; французский барабанщик не замедлил явиться. Солдаты наливали ему в манерку воду, называя его камрадом. Поступок этот до такой степени восхитил французского офицера, что он прямо со своего поста бросился к нашей цепи и, превознося русских, с восторгом обнимал и целовал офицера, командовавшего цепью. Но ненадолго остановилось прервавшееся сражение. Вдруг слышим выстрел. Все заняли свои места. Началась жесточайшая, упорнейшая и кровопролитнейшая битва». В другой работе Марин писал: «В 2 ½ часа перестрелка утихла с обеих сторон. Погода была теплая, даже жаркая; казалось, солнце на нас смотрело со всем вниманием. Егеря в низком месте вырывали штыками ямки, и находили воду для утоления палившей нас тогда жары. Самых неприятелей ссужали мы своею находкою ... В три часа опять заревел гром орудий, и бой возобновился»¹¹. Описанное Мариным затишье во время сражения было, вне всякого сомнения, вызвано демонстрацией русской кавалерии Ф.П. Уварова и М.И. Платова на северном фланге битвы.

Итак, сражение возобновилось. Марин беседовал с подпоручиком Великопольским, когда ядро раздробило тому голову. По словам Лаврова, генерал-адъютант И.В. Васильчиков 1-й, принявший к тому времени командование остатками войск 2-й армии к востоку от д. Семеновское, сообщил лично ему, что «высланные от неприятеля стрелки, занявшие опушку леса, наносили вред его кавалерии, и что неприятель обходит левой наш фланг, для удержания коего в подкрепление кавалерии послан был

баталион лейб-гвардии Финляндского полка под командою полковника Жерве». Пущин писал, что «к вечеру неприятель настолько уже имел успехи, что пули его стрелков долетали до нас, несмотря на это, мы сохранили наши позиции и остались на ночь на занимаемых нами местах». То есть дело было уже вечером.

«А как усилившиеся в лесу неприятельские стрелки, – продолжает Лавров, – начали уже вредить и колоннам генерал-майора барона Розена, то я отрядил еще 2 баталиона одного полка под командою полковника Крыжановского прогнать неприятеля. Полковник Жерве с вверенным ему баталионом, удерживая неприятеля рассыпанными в цепи стрелками, чрез полчаса дал знать, что неприятель вошел в лес двумя колоннами и под прикрытием стрелков сильно наступает». Тогда Крыжановский усилил его батальон стрелками под командою подпоручика Марина. Сам Марин так описал эти события: «Ядра и гранаты чаще стали вырывать наши ряды, а мы все таки стояли в бездействии. Много товарищей моих выбыло из фронта. “Стрелки! Вперед!!” – Я подошел к полковнику Штевену, баталионному моему командиру, и попросился с стрелками. – “Вам не следует, а капитану Палицыну”. – Я просил Палицына убедительно, чтобы позволил мне идти вместо него, и он согласился; полковник позволил. “Ружья на перевес!” – Перекрестился – “Вперед, ребята!” – И я командир первой охотничей цепи второго баталиона. Пройдя в ореховом кустарнике шагов десять, приказал ударить резвый поход ... Два офицера были под моей командой в цепи: подпоручик Марковский и прапорщик Саргер».

К этому времени следует, видимо, отнести два следующих рассказа Марина. Портупей-юнкер Протопопов находился с конвойными в цепи при начальнике стрелков. Будучи хорошим стрелком, он так удачно стрелял, что в виду начальника и бывших в цепи солдат, положил десять неприятелей. За этот подвиг Протопопов был позже награжден знаком отличия Военного ордена. Рядовой 5-й егерской роты Гаврилов, «находясь конвойным при

начальнике стрелковой цепи 2-го батальона, стрелял очень редко; на вопрос “для чего он не стреляет?” Гаврилов отвечал: “берегу патроны, ваше благородие, сохраняю вас и как увижу, когда неприятель будет прицеливаться, то пуля моя будет нужна, чтобы срезать врага”. В ту же минуту Гаврилов выстрелил и положил француза, говоря: “вот ваше благородие изволили видеть, он ведь на вас целил”».

«Перестрелка дробью катилась непрестанно, – продолжает Марин, – нас осыпало градом пуль. Разумеется, мы не задерживали и своих; работали, как говорится, и пулей, и штыком, горячились, лезли вперед; сбегались с неприятелем в штыком ... В короткое время выбыло из цепи много; поручик Марковский был ранен в ногу; а я, хотя был ранен повыше локтя, в правую руку, потом в левую ногу, но жар во мне не простывал, и жаль мне было оставить славный мой пост. Пулею вынуло у меня офицерский знак, который был на груди ... Вижу в цепи уже мало егерей; и я послал прапорщика Саргера к полковому командиру, чтобы приказал усилить цепь ... Хотя офицерам ружья не полагаются, но я был в это время с ружьем. В ту минуту, когда я прицеливался и метил в одного французского егеря, стоявшего против меня в том же положении, на прицел, неприятельская пуля врезалась мне в правое плечо и остановилась в лопатке. Это было в пять часов. Я упал вперед, в куст».

Командиру сообщили, что Марин убит. По словам Ростковского, «ошибка произошла от того, что офицер этот был контужен картечью в грудь и спасением своей жизни обязан тому, что картечь попала в офицерский знак, висевший у него на груди». Похоже, что либо Марин с годами «менял свои показания», либо Ростковский весьма вольно излагал его рассказ. Марин перевязал свою рану офицерским шарфом и не оставил строя. Его место занял подпоручик Шепинг, который тотчас ударил в штыки на неприятельскую цепь, но был убит пулей¹².

Лавров сообщил Дохтурову, что в это же время «полковник

Крыжановский, приблизившись с 3 и 2 батальонами, приказал ударить в неприятельские колонны так же в штыки. Г. полковник Штевен со 2-м, а Жерве с 3 батальонами, с отличною храбростию, закричав “ура”, бросились в штыки, опрокинули неприятеля и гнали его до опушки леса, где поставили стрелков, по которым с неприятельской стороны открылась батарея под прикрытием кавалерии, которая сильно действовала картечью, где ранен капитан Огарев картечью в колено, место коего заступил штабс-капитан Байков. Видя усиливавшегося неприятеля на правом его фланге, полковник Крыжановский приказал командующему 1-м батальоном капитану Ушакову выслать застрельщиков. Оные высланы под командою штабс-капитана Раля 4-го, которой опрокинул неприятельскую цепь; таким образом, в час времени очищен был весь лес. В то время получено было приказание от вашего высокопревосходительства чрез генерал-адъютанта Васильчикова, чтоб, очистив лес, удержать за собою оный во что бы то ни стало. Неприятель усиливался несколько раз отразить наших стрелков, но без всякого успеха, огонь был сильной с неприятельской стороны ружейной и из пушек картечью, и, чтобы удержать неприятеля, и не позволить ему ворваться опять в лес послан был с [6-й егерской] ротой в помощь цепи штабс-капитан Афросимов 4-й, и потом еще также с ротой штабс-капитан Ахлестышев». Из этого текста, восходящего, несомненно, к рапорту самого Крыжановского, вытекает, что все три батальона полка действовали рядом, в одном месте.

Марин, пришедший в себя после контузии, вспоминал: «Вдруг град пуль посыпался на нас с тылу. Мы подумали, что обошел нас неприятель, но как я удивился, когда увидел своих! Это капитан Андрей Павлович Афросимов с своею ротой шел меня подкрепить, и не предполагая, чтобы мы зашли так далеко, принял нас за неприятеля, ибо кусты были в этом месте довольно часты, и не мудрено, что в густом дыму и между кустарников нельзя было различить неприятельскую цепь от своей. Я

подбежал к капитану, и он увидел ошибку. Сдавши ему оставшуюся горсть егерей, я простился с ним и с стрелками». Марин явился к полковнику и «донес о состоянии моего поста. Он, видя меня обгаренным кровью и ослабевшего, приказал идти скорей на перевязку». Вместе с Раллем и Веселовским Марин пошел по Можайской дороге и дошел до деревни в четырех верстах от поля битвы.

В списке отличившихся офицеров указано, что полк весь день простоял под пушечным и ружейным огнем, «к вечеру же действовал против неприятеля высылаемыми стрелками и целыми батальонами на штыках, вытеснил из лесу неприятельские колонны и удержал место за собою» в соответствии, заметим, с приказом Дохтурова. Полковники Жерве и Штевен «с батальонами храбро опрокинули две неприятельские колонны штыками и прогнали из леса ими занимаемого». Поручик Грязев, «находясь в цепи, на левом фланге, где неприятель сильно напал, пополнял убылые ряды с присутствием духа и тем ободрял своих подчиненных». Большинство офицеров полка, «быв в стрелках отличною храбростию подавали пример своим подчиненным и тем способствовали к сражению неприятеля, сильно на наши цепи наступающего». Об отличившихся солдатах Крыжановский написал так: «Во все время сражения с неприятелем находились в стрелках и неоднократно опровергали усиливающиеся его цепи, поражая сильно ... чем опрокинув неприятеля, предали его бегству и выгнав его на штыках из лесу, заняли то место, которое ими несколько часов упорно было защищаемо».

По словам Д.Г. Целорунго, скрупулезно исследующего архивные данные о русской армии в Бородинском сражении, нижние чины этого полка также отличились тем, что постоянно находились в стрелках и отражали стремление неприятеля, правда, опять же без конкретной привязки к местности. Из всех этих свидетельств вытекает, что Финляндский полк большую часть времени был рассыпан в стрелках, сражался в лесу, из

которого в конце концов и выгнал наступавшего в двух колоннах неприятеля. При этом однозначно можно утверждать, что речь не может идти об Утицком лесе, ибо там сражались войска Сиверса и К. Багговута, финляндцев «в упор» не выдавшие.

По словам Лаврова, «стрелки во все время содержали цепь в опушке леса. В 9 часов вечера зачала утихать стрельба и в 10 часов окончилась и все три баталиона остались на занятом у неприятеля месте сражения, охраняя цепью всю гвардейскую пехотную дивизию». Норов уверял, что «последние выстрелы под Бородиным уже в темноте были сделаны по неприятелю нашим штабс-капитаном Ладыгиным, приведшим вторично 6 орудий первой легкой роты и примкнувшись к Финляндскому полку, когда этот полк уже в девятом часу вечера отразил неприятельскую пехоту». [Марин] утверждает, что «полк оставался в деле до самой ночи; только после рекогносцировки отступил вслед за прочими гвардейскими полками».

В «Описании сражения», сделанном Толем, говорилось, будто ,s вечером «около 9 часов неприятель овладел было дер. Семеновскою, но лейб-гвардии Финляндский полк ... натиском вытеснил неприятеля и удержал оную за собой!» И карта, приложенная к работе Толя, изображает деревню к вечеру занятой русскими войсками! Эту несурязицу повторил затем Ростковский, написавший, будто «в 9 часов вечера, в темноте, французы снова овладели этим селением, но были вытеснены штыками л.-гв. Финляндского полка». При этом он сослался на полковую историю Марина. Действительно, у Марина после рассказа о том, что полк «отступил вслед за прочими гвардейскими полками», следует такая фраза: «Битва кончилась; ночь покрыла ужасное побоище; в 9 часов в темноте французы зашевелились около селения Семеновского, но были вытеснены штыками лейб-гвардии Финляндского полка, тем и кончилось это достопамятное сражение». Строго говоря, речь идет о районе Семеновского, а не о самом

селении, но смущают слова «были вытеснены». Не случайно Гулевич выразился осторожно: «Последние выстрелы у д. Семеновской и штыковая работа Л.-Гв. Финляндского полка, сбившая французов с их позиции у этой деревни, были заключительными действиями сражения при Бородине»¹³. Впрочем, нетрудно понять, что на самом-то деле французы были вытеснены именно из леса. Учитывая то, что работа Толя была опубликована в 1822 г., а книга Марина – в 1846, нетрудно понять, кто был автором данного сказочного сюжета. К тому же Марин не мог быть очевидцем этого последнего боевого столкновения, ибо в 17 часов был ранен и отправлен в тыл. Таким образом, вполне очевидно, что автором лживой версии является не кто иной, как Толь, который столь же цинично солгал, будто бы казаки Платова прогнали противника до Колоцкого монастыря, над чем ехидно посмеялись французы, участники сражения.

По подсчетам Ростковского, из 1600 строевых чинов финляндцы потеряли 350, т. е. 22 %. Впрочем, он считал, что это число потерь, взятое им у Михайловского-Данилевского, должно было быть гораздо больше. Гулевич привел иные сведения, опираясь на рапорт Крыжановского от 31 августа. Были убиты 3 офицера и 56 нижних чинов, ранены 12 офицеров и 425 нижних чинов, пропали без вести 55 солдат. Всего потери составили 554 человека. (18 офицеров и 536 нижних чинов). Сам Гулевич еще подсчитал, что три офицера были контужены. Поскольку полк вступил в сражение в составе 1813 человек, его потери составили 30,6 %, в том числе среди офицеров – 34,6 %, среди нижних чинов – 30,4 %.

Об офицерах имеется более детальная информация. Подпоручик Великопольский был убит ядром, Шепинг 2-й был ранен пулей в руку, после перевязки пошел вперед и был убит картечной пулей в грудь, прапорщик Н.А. Титов убит ядром. Жерве был ранен пулей в ногу навывлет, капитан Огарев – картечью в колено с раздроблением коленной чашечки (умер), штабс-капитаны Волков – пулей в ногу, Ралль 4-й – пулей в руку

навылет, Ахлестышев – пулей в ногу, поручик Шаховский – ядром в ляжку, подпоручики Веселовский – в кисть навылет, Марин – в плечо пулей, которая осталась в кости (контужен ядром в грудь, уверял Ростковский), прапорщики Страхов 2-й – в плечо и в грудь (пуля застряла в кости), Соковнин – ядром (оторвало ногу), Страхов 3-й – пулей в руку, Марковский – пулей в ногу. Контужены были Крыжановский (ядром в правое плечо), штабс-капитан Ралль 5-й, прапорщик Крекшин¹⁴. Характер ранений офицеров однозначно свидетельствует о том, что полк понес основные потери от ружейной перестрелки с неприятельскими стрелками и от артиллерийского огня, а вовсе не от кавалерийских атак. Не забудем, что Финляндский полк был сформирован из батальона милиции и проходил по разряду легкой пехоты, т. е. егерских полков, в каком-то качестве он и использовался в Бородинском сражении.

Столь серьезные потери в гвардейском полку, вступившем в прямое столкновение с противником только вечером, свидетельствуют о том, что и на этом участке сражения боевые действия носили ожесточенный характер вплоть до наступления темноты. Даже у наступавшей стороны откуда-то брались силы продолжать бой. По данным заведующего отделом Бородинского музея А.А. Суханова, на небольшой возвышенности к востоку от д. Семеновское и далее вплоть до лесных зарослей обнаружено большое количество ружейных пуль и осколков артиллерийских снарядов. По нашему мнению, это и есть материальные свидетельства той ожесточенной перестрелки, которую вели финляндцы с неприятелем вплоть до наступления ночи.

Правда, пока остается не до конца ясным, кто же противостоял Финляндскому полку. Если исходить из того, что полк стоял на дороге из Семеновского в Псарево, против него могли действовать только полки 2-й пехотной дивизии генерала Л. Фриана, командование которой в 16 часов принял генерал Ф.М. Дюфур. Сам Дюфур в двух записках упомянул только

о захвате им во главе 15-го легкого полка «плато у сожженной деревни» и об отражении затем семи атак русской кавалерии. В рапорте 48-го полка также сказано лишь о том, что после взятия Семеновского «дивизия продержалась до ночи под очень сильным огнем артиллерии». В биографии Фриана, написанной его сыном, капитаном Ж.Ф. Фрианом, сказано кратко: «Канонада продолжалась до ночи; дивизия Фриана под командой генерала Дюфура преследовала неприятеля до опушки леса, который он занимал утром, и разместила там свои биваки». Правда, в «Журнале» 2-й дивизии написано, что она простояла на позиции у Семеновского два часа, а затем «4-я и 5-я дивизии 1-го корпуса и маршал Ней с 3-м корпусом вышли на левый фланг противника, и он произвел свое отступление. Генерал Фриан вернулся в бой, несмотря на свои ранения, немедленно направился вперед, прогнал русских с холма, который они занимали по ту сторону Семеновского, и отбросил их вплоть до леса». Командир 33-го линейного полка генерал А. Дедем ван де Гельдер вспоминал: «Я был ранен в шесть часов впереди одного из каре моей бригады. Я получил две контузии и, когда отводил вечером наших стрелков из леса, подо мной была убита вторая лошадь»¹⁵.

Эти краткие замечания во французских источниках позволяют с большой долей вероятности предположить, что на заключительном этапе Бородинской битвы к востоку от д. Семеновское лейб-гвардии Финляндский полк отражал нападения стрелков 2-й пехотной дивизии, уже значительно обескровленной штурмом этой деревни и отражением нескольких атак русской кавалерии. И откуда только брались еще силы у атакующих! Видимо, следует учитывать, что дивизия Фриана была во французской армии такой же образцовой, как 3-я пехотная дивизия генерала Коновницына в русской, и что девизом 48-го полка были слова «*Dur comme Roc*»^{*1}. Когда солдаты 33-го полка просили у Наполеона чести первыми

* Твердый как скала (*франц.*)

открыть сражение на Москве-реке, император ответил им: «Такие полки, как этот, идут в огонь для того, чтобы решить победу». На сей раз «решить победу» им не удалось, в том числе и благодаря упорному сопротивлению одного из полков российской гвардии – Финляндского.

За отличие в Бородинском сражении офицерам Финляндского полка были пожалованы следующие награды. Полковник Крыжановский получил орден Св. Георгия 4-го класса, полковники Штевен и Жерве – орден Св. Анны с алмазами; капитан Ушаков – орден Св. Анны 2-й степени, капитан Палицын – орден Св. Владимира, капитан Волков-старший – орден Св. Анны с алмазами; штабс-капитаны Вельяминов, Чарторыжский, Ахлестышев, Ралль 4-й, Офросимов 3-й, Офросимов 4-й – орден Св. Владимира 4-й степени, поручики Купреянов, Митьков, Подобедов, Аклечеев 2-й – золотые шпаги с надписью «За храбрость», Пинабель – орден Св. Анны 3-й степени, Грязев – следующий чин; подпоручик Саковнин – орден Св. Владимира 4-й степени, подпоручики Марин, Скальский, Страхов 1-й, прапорщики Марковский, Казин, де-Лазари, Ступишин 1-й – орден Св. Анны 3-й степени, поручик Ухтомский, подпоручики Веселовский, Крекшин – следующие чины; прапорщики Кусовников, Саргер, Протасов, Дулов, Трофимов – золотые шпаги с надписью «За храбрость», Фромандиер – следующий чин. Нижним чинам было пожаловано по 5 руб. каждому. В каждую роту было передано по пять знаков отличия ордена Св. Георгия¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При ссылке на это издание мы будем ставить фамилию автора в [квадратные скобки], в отличие от собственных его записок.
- ² [Марин А.Н.] Краткий очерк истории лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1846. Кн. 1. *Ростковский Ф.* История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1891. Отд. I. *Гулевич С.* История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1906. Ч. I.
- ³ Бородино: Документы. Письма, воспоминания. М., 1962. С. 174, 177, 317, 328, 333; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 193; *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. М., 1956. С. 178. Прим. 1; [Марин А.Н.] Указ. соч. С. 28; *Гулевич.* Указ. соч. С. 220.
- ⁴ Бородино... С. 144; Из записок генерала А.Н. Марина // Воронежское дворянство в Отечественную войну. М., 1912. С. 252–253; Дневник Павла Пущина, 1812–1814. Л., 1987. С. 60 (далее – Пущин); Рус. архив. 1881. Т. 3. С. 194; России двинулись сыны. М., 1988. С. 354; [Марин А.Н.] Указ. соч. С. 24; Бородино: 1812. М., 1987. С. 156.
- ⁵ *Попов А.И.* «Немного левее центра...» (действия отряда Сиверса в Бородинском сражении) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2004. С. 245–266.
- ⁶ *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 165–166; *Клавдиев С.М.* Русские панорамы. М., 1972. С. 73; *Кудряшова А. и др.* Бородино: Путеводитель. М., 1975. С. 75; Бородино. 1812. М., 1987. С. 146; *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 153; *Винокурова Е.В.* Бородино: Фотопутеводитель. М., 1991. С. 125–126; *Бешанов В.В.* Шестьдесят сражений Наполеона. Минск, 2000. С. 336; *Шереметьев О.В.* «И вечной памятью двенадцатого года»... Барнаул, 2007. С. 126–127, 139.
- ⁷ *Ростковский Ф.* Указ. соч. С. 116–118; *Гулевич С.* Указ. соч. С. 203, 209–212; Бородино... 146–149, 213, 222–223; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1859. Т. 2. С. 188; *Оболешев.* Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле. М., 1903. С. 66; *Балтийский А.* 1812–1912: Бородино: Путеводитель по Бородин. полю сражения в схемах. СПб., 1912.
- ⁸ Бородино... С. 223.
- ⁹ Подробнее см.: *Попов А.И.* Меж двух «вулканов»: Боевые действия в центре Бородин. поля. Харьков, 1997. С. 31–40.
- ¹⁰ Из записок генерала А.Н. Марина. С. 253; Бородино... С. 145; [Марин А.Н.] Указ. соч. С. 24–25; *Ростковский Ф.* Указ. соч. С. 118; *Гулевич С.* Указ. соч. С. 213; Бородино: 1812. М., 1987. С. 156–57.

¹¹ [Марин А.Н.] Указ. соч. С. 25–26; Марин А.Н. Русские богатыри: Заветная книжка для ратных людей и народа русского. Воронеж, 1872. С. 37–38. Прим. 9 (В первом издании этой поэмы (СПб., 1848) такого примечания еще не было); Гулевич С. Указ. соч. С. 212–213.

¹² Бородино... С. 145; Из записок генерала А.Н. Марина. 253–254; [Марин А.Н.] Указ. соч. С. 26–27; Пуцин. Указ. соч. С. 60; Ростковский Ф. Указ. соч. С. 119, 121. Прим. 16; Гулевич С. Указ. соч. С. 214. Марин упоминает также и о прапорщике Крекшине, «который, будучи без признаков жизни, признан был всеми за окончательно потерянного. Не хотел только этому ни за что верить преданный слуга этого офицера, его собственный человек, огорченный более всех других; он взвалил прапорщика Крекшина на вьючную лошадь и со слезами на глазах отправился на перевязочный пункт. Здесь он умолял медиков обратить внимание на его барина, говоря, что нет у него никакой раны и что он полагает его живым; слезы доброго человека убедили одного из медиков, который, найдя в мнимо умершем признаки жизни, подал ему помощь. Крекшин очнулся и первый его вопрос был: “Зачем я здесь?”. Человек бросился обнимать своего барина: “Вы сударь были мертвы”. “Какой вздор, подай мне лошадь,” – было ответом молодого храбреца, тотчас же вернувшегося к своему месту, к общему удовольствию любивших его товарищей» (Марин А.Н. Указ. соч. С. 25–26).

¹³ Бородино... С. 145–146, 223; Из записок генерала А.Н. Марина. 254–255; [Марин А.Н.]. Указ. соч. С. 27; Рус. архив. 1881. Т. 3. С. 202; России двинулись сыны. С. 362; Ростковский Ф. Указ. соч. С. 120, 122; Гулевич С. Указ. соч. С. 218; Бородино: 1812. М., 1987. С. 157.

¹⁴ Бородино... С. 223; [Марин А.Н.]. Указ. соч. Т. I. С. 25–27; Ростковский Ф. Указ. соч. С. 120–122; Гулевич С. Указ. соч. С. 219–220.

¹⁵ *Friant*. Vie militaire de lieutenant-général comte Friant. P., 1857. P. 238; *Spectateur militaire*. Т. XXIX. Août. 1840. P. 6; *Chuquet A.* 1812. La Guerre de Russie. P., 1912. Ser. 2. P. 51, 61; Ser. 3. P. 345–346; *Dedem de Gelder A.* Mémoires. P., 1900. P. 239.

¹⁶ Ростковский Ф. Указ. соч. С. 122–123.